

Леонид Оболенский

Олег ХОМЯКОВ

Содна коробки моего киноархива поднимаю тронутый временем конверт: одесский мой адрес (там я работал редактором художественных фильмов на киностудии) и обратный — г. Миасс Челябинской обл. — написаны ровным почерком. Письмо напечатано на машинке, выправлено, выверено пером. Подписано: "Ваш Леонид Оболенский".

Письмо написано в продолжение нашего с ним разговора в Одессе (он приезжал на актерские съемки) — теоретическое, фрагментарное. Мне, участнику диалога, во всем понятное, но интересное даже в извлечениях, отрывках. Я приведу их, соотнеся с историями, моментами моей собственной уральской жизни. Которые эти строки напомнили и которые напрямую связаны с "Леонидычем" — как мы называли его в стенах Свердловской киностудии.

Операция "Му-му"

Животноводство всегда было слабым местом в планах художественных фильмов Свердловской киностудии: заводы, стройки, добыча полезных ископаемых — сколько можно? "Словно товарищи не знают дороги в молочный магазин! — звучало с трибуны партконференции по нашему

адресу. — Мы, разумеется, не призываем горожан, включая "киношников", к практической решению задачи, к разведению рогатого скота в городских условиях... Как это придумал житель одного уральского города, державший живую корову на 5-м этаже в ванной". Детали оратор не сообщи: идет следствие.

(Потом я узнал, что "Скотинин", как назвал бы его Фонвизин, был язвенником. Ему втемяшилось в голову, что спасение — в парном молоке. Где его в городе возьмешь? И он пустился во все тяжкие, как пишут в романах...).

Надо и меня понять. Страна балдеет от комедий Леонида Гайдая — и зевнуть этот факт?! За дело!

Зритель уже на первых витках сюжета вовлекается в игру-загадку: как Скотинин осуществил свою операцию? Ролья не просто затащить в панельный дом, гроб опять же не вынесешь — с балкона вместе с покойником спускали! А тут, как было заявлено на конференции, рогатый скот.

Версия № 1. Используя систему кронштейнов, блоков, создав тяговое усилие, Скотинин на подвеске поднял корову на балкон. Безлунной ночью.

Версия № 2. Скотинин завел парнокопытное на верхний этаж по строительным лесам. Он знал, что получит квартиру в этом доме. Он всем дал на копыто... пардон, на лапу: камешкам, сантех-

Киноправда

Последнее письмо

никам, малярам. И тому, кто распределял квартиры, — тоже. И сено носил в авоське, в светонепроницаемом пакете. И когда соседи спрашивали: "Что у вас в авоське?", он всегда отвечал: "Сено". И все смеялись.

Версия № 3. Скотинин купил теленка, телочку. Нежно и плотно завернув в мешковину, внес ее по лестнице в дом. Длинноносом соседу, спросившему: "Что это у вас в руках, Иван Иванович? Бесформенное и как бы шевелящееся?", ответил громко, во всеуслышание: "А твое-то какое дело, Буратино ты недорезанный?" И длинноносый утерся, отвалил. Телка росла. На вопрос: "Почему из вашей квартиры несет, как из коровьего хлева?" есть ответ: "От вас сивухой несет с утра, хоть вы и с высшим образованием".

Сценарий мой обескуражил Л.Л.Оболенского, который по моей просьбе прочел его. Все же сценарист-вживодец, главный редактор художественных фильмов студии. Убить его нелепым отзывом — как муху прихлопнуть. Но и не сказать о главном, о том, что все это вне литературы уже по языку, невозможно.

И весь он, Леонидыч, тут — в своем отзыве: в аристократическом великодушии, во врожденной деликатности, в артистизме владения гробом, когда иначе, как против шерсти, не попрешь:

— Олега! История с коровой — прелесть. Вы правы: грех не заняться ею, не превратить ее в киноаттракцион. Версии смешны. Еще нет сюжета, анекдота. Вас несет по горной реке фантазии, как байдарочника, потерявшего весло. Вы словно эстражник, которому нет дела до публики, потому что самому весело. Публике смешно "с вас", как говорят в Одессе. Да ведь и в песне поется: "Мы можем петь и смеяться, как дети..." Но мне, режиссеру, нужен анекдот, сюжетноноситель. Луч, объединяющий пылинки в столб. В луче — видны. Без луча — нет... Я бы предложил эту рукопись журналу "Урал". И знаете — мне пришла в голо-

ву одна идея! Почему бы не пуститься на маленькую хитрость, не позабавить коллег-редакторов: в журналах они суше, суровее, чем в кино. Вы берете себе псевдоним. Скажем: Антон Ситцев-Вражек или Аскольд Вымяловский. Название сценария "Буренка, примите ванну!" может остаться. (Можно скромнее: "Молочный берег" или — "Остров"). Вы приходите в "Урал", но не с сияющей улыбкой, не икая от смеха — на что имеете полное право: мне икалось, когда читал! Нет, с физиономией спнулой, чуть позевывая. Вот, мол, в самотеке, в графоманских развалах нашлось нечто: жемчужное зерно для отдела сатиры. Полистайте... Если их это заинтересует (де-факто), они будут приятно удивлены, когда вы откроете забрало. Если нет, вы по телефону предложите бросить рукопись в корзину. Мол, "Вымяловскому" от этого ни жарко, ни холодно. Надеюсь, у вас не один экземпляр...

Добрый, мудрый Леонид Леонидович! Преподавший ко всему мне и редакторский урок — никогда я его не забуду, и ни один, смею сказать, Вымяловский и Ситцев-Вражек не уйдет от меня "униженным и оскорбленным" за мои 35 студийных лет.

А что касается версий, не о них ли пишет Л.Л. в своем письме из Миасса, которое я держу сегодня в руках:

"Милый Олег!

Отвечаю Вам сумбурно, потому что спешу в больницу на повторную операцию (будут вынимать иглы, "арматуру", вбитую в разломанную кость). И так — расписки. Монтируйте, как хотите.

Еще Лев Толстой придумал, понял "содержание" как "содержание" (содержание) мыслей между собою, о чем писал в письме к Страхову. "Ибо отдельно высказанная мысль обеднена, либо вообще не воспринимается". В сущности, Толстой придумал монтаж. А не Кулешов или Гриффитс. Выгодский развил эту рукопись журналу "Урал". И знаете — мне пришла в голо-

ма" он дал единое определение: с-т-р-у-к-т-у-р-а. Т.е. то "третье", что венчает диалектическое противоречие — в тождество.

Он приводит в качестве примера анализ рассказа "Легкое дыхание" И.Бунина. Если взять происшедшее в рассказе в хронологической последовательности, получится пошлый бульварный рассказик — о блудливой гимнастке и казачьем офицере, да еще каком-то бородаче, лишившем девочку невинности. Бунин "перемонтировал" события так, что вместо пошлятины вдруг все осветилось легким дыханием весны. (Эксперимент: Выгодский читал оба варианта — факты в хронологической последовательности и они же в "перемонтаже" Бунина — в аудитории психически больных. Факты вызвали нервную бурю! Бунинское их изложение производило впечатление удовольствия и вызывало удовлетворения и вызывало удовлетворения). Так Бунин, со-сцепив по-своему факты и мысли по их поводу, сообщает фактам иное содержание. Отсюда и название рассказа.

Этим был жив советский кинематограф, со времен "Кино-правды" Дзиги Вертова. Тот кинематограф, который через пять лет после национализации стал м-и-р-о-в-ы-м".

Поворот

"В погоне за славой", "Хмурый Вангур", "Одна строка...". В жанре художественных фильмов Свердловская киностудия даже не подросток — ребенок. Если бы не успех ленты Ивана Правова "Во власти золота", о новорожденном не было бы слышно. Обрести лицо, развить успех не удалось на переходе из 50-х гг. в 60-е. А я, неоперившийся редактор, волей обстоятельств — главный в редакции игрового кино. На мне та самая "сценарная политика". Работа со сценаристами, подготовка запусков фильмов, ритм работы всего кинокомбината.

На повороте лестницы на 2-

й этаж делюсь своими тревогами с длиннолицым сухопарым собеседником, в котором нет возраста — есть поглотившая годы прана, жизнелюбящая сила.

— Беда в том, что ленинскую формулу социализма "учет и контроль", — на лету схватывает мою мысль Л.Л.Оболенский, — у нас поняли по-пришибевски. Исключив доверие, заменив его подозрительностью. На сколько дней вы, главный редактор, можете быть командированы в Москву? На пять. А вам надо там быть пять месяцев в году... Ведь на Урале сценаристов нет. Они, как истово, живут в Великом Лагере Драматургов, разбитом подле Большого театра. Вы должны дневать и ночевать на его палаточных улицах! У вас должны быть представительские деньги. Вы обязаны посещать рестораны в обществе драматургов, платить за ужин и возвращаться в гостиницу — с рукописью под мышкой. Так вы увезете из Москвы сценарный портфель.

— Леонид Леонидович, вы прожектор! Даже на пять суток я могу выехать в столицу лишь с разрешения самой столицы: Госкино РСФСР.

— Ибо вас (по Пришибееву) надо держать под колпаком. "Контролировать" каждый ваш шаг. Что невозможно в течение пяти месяцев, да вы еще станете менять рестораны. Но, Олега! Сидя в Свердловске, вы обречены. Ждать у моря погоды. Тогда как ваш голливудский коллега исколесит Штаты вдоль и поперек, заглянув во все коттеджи, где стучат машинки, зарулив на все ранчо, обжив все "фешембельные" рестораны. Так делается во всем мире. Под лежачий камень не течет, но подтекает лишь... "Хмурый Вангур".

Мы расстались. А через месяц, едва обозначилась возможность, расстался — по собственной воле — с креслом главного редактора я. На всю жизнь поворотный лестничник разговор! Ни в Свердловске, ни в Одессе я не занял, отклонив предложения, на-

чальствующей должности. Правота Оболенского подтверждалась. Система подготовки сценариев была во многом несовершенной. Это не главная, но явная причина обилия "серых" картин. Особенно на провинциальных студиях.

Думая о доверии к человеку-труженику, человеку-патриоту (идеал социализма), я вспоминаю судьбу самого Оболенского в годы войны. Актер, режиссер, преподаватель ВГИКа, ополченец, попавший в плен, — он трижды бежал из немецких лагерей. Чтобы потом на годы, вместе с миллионами других, кому "пришибеевцы" выразили недоверие, угодить в советские лагеря...

Теперь о письме из Миасса, о той главной творческой причине, по которой кино и в свободной России теряет зрителя, как птица перья.

"Я на положении лежачего больного, — пишет Л. Л., — вынужден смотреть по ТВ все фильмы. И все они, особенно национальные, сделаны... телевизионным способом. Что живо напоминает мне мои собственные "телегоды" в Челябинске. Мне говорили: "Вот вам текст, подумайте, какими кадрами его закрыть". Браво!.. А ведь у Аристотеля: "В словах — мысль. В характерах — поступок". В современных "теле"фильмах (для проката, для "ящика") я вижу: предлагаемые обстоятельства — в словах, в разговорах. Ситуация — в словесном споре. Перипетия (словом, ситуации) опять-таки в словах. В лучшем случае — пистолет и "моя милиция меня бережет"...

Не характер движет действие, а сюжетная функция: "супермен". Которому не чувствуешь, потому что он все может. А ведь "характер", в классическом понимании, узнаваем, обычен. Он лишь в экстремальном случае способен на сверхличностный поступок (жертвенное добро). Так живое, узнаваемое вытесняется суррогатным, выдумантым.

И я счастлив, что отказываюсь от сценариев, которые мне еще присылают. Не входя в их оценку, ссылаясь на сломанную ногу. Авторам не обидно. "Ах, как жаль!" — говорят они...

И никакие "организационные перестройки" этих сценариев не улучшат. И будут фильмы "по мотивам", чтение литературы в лицах. "Слова... слова..." (Гамлет)".

Как назвать, обозначить — в недалеком, надеюсь, буду-

щем — поворот к человеку от манекена, к драматургии от телеговорения? Возрождение кадра? Характера? Возвращение к истокам, к началу, имя которому кинематограф — запечатленное в движении время?

Жизнь подскажет.

Крест

В полноводные годы, когда силы не иссякали, успехи множилось, все ж выпадали минуты уныния, а то и отчаяния. Как снег в июне. К Леонидычу тянуло тогда особенно.

То с жалобой на здоровье: не могу работать по ночам, а дня не хватает. И он потешно округлит глаза: "Не особенно верьте "ночникам". Им снится, что они работают! Все потом переделывают — днем. Помните, у Твардовского: "Час мой утренний, час мой ранний!.."

То посетуешь, что из тысячи книг личной библиотеки не прочел и трети. И услышишь: "В какой-то момент вы заметите, что ходите по кругу. Как лошадь в шаговике!.. Мне говорят: "Смотри, Екклесиаст: вот — новое!" Но то, что нынче ново, в веках минувших тыщу раз до нас уже случилось — и случится снова..."

То скажешь: столь многое надо сделать, столь многому научиться — ведь мы заняли место уничтоженной русской интеллигенции. Вам ли об этом рассказывать? Я лично умею в два слова: стыжусь и изнемогаю, изнемогаю и стыжусь!.. Тронет отечески плечо: "Максимализмом искушали Иисуса. Что Он ответил? "Вместе столько, сколько можешь вместить".

И позже мне довелось услышать, и запало: "Человеку не дается крест, который он не может снести".

На могильном кресте, под которым покоится Леонид Леонидович Оболенский, написано:

"ИНОК ЛАВРЕНТИЙ, В МИРУ ЛЕОНИД".

Не ошибка, не мистификация. Последний его побег из немецкого лагеря в Мосбурге оказался удачным. Но не настолько, чтобы уйти, скрываясь от преследователей, к своим. Он опять мог быть пойман. За третий побег — расстрел.

Беглеца в Молдавии укрыли за монастырской стеной монахи. И дали ему имя "Лаврентий".